

РАССЛЕДОВАНИЯ
ГРАФА ВИСЛОТСКОГО

НАТАЛЬЯ
ЗВЯГИНЦЕВА

ШЕЛКОВАЯ
СМЕРТЬ

Москва

УДК821.161.1-312.4
ББК84(2Рос=Рус)6-44
3-45

Разработка серии, дизайн и иллюстрация на обложке
Юрия Щербакова

Редактор серии *Любовь Латышова*

Звягинцева, Наталья.

3-45 Шелковая смерть / Наталья Звягинцева. —
Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-228391-8

Москва, начало XIX века. Молодой повеса и сердцеед, купающийся в богатстве и женском внимании, внезапно умирает при загадочных обстоятельствах. Официальная версия — самоубийство. Однако старая княгиня Рагозина — женщина, чья память ещё крепка, а ум остёр — не верит в очевидное. Она убеждена, что за этим скрывается нечто более опасное, чем просто любовная история.

Остроумный и проникательный граф Вислотский не любит, когда его втягивают в чужие драмы. Он всеми силами защищает своё право на спокойную уединённую жизнь. Но некоторые тайны требуют его вмешательства... даже если цена за разгадку слишком высока. Чтобы добраться до истины, ему придётся вновь показаться в свете, открыть чужие тайны и признать свои собственные ошибки. Хотя и этого может оказаться недостаточно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Звягинцева Н., 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-228391-8

Глава 1

День выдался солнечный, что было неудивительно для начала марта. Лучи, проходя сквозь высокие окна, рисовали неровные фигуры на коврах и паркете. Обведя придирчивым взглядом богато обставленную комнату и оставшись довольным, молодой мужчина посмотрел на массивные часы, что стояли в дальнем углу. Маятник мягко раскачивался из стороны в сторону, издавая монотонный механический хруст. Гирьки на позолоченной цепи, украшенные горным хрусталём и янтарными каплями, вспыхивали искрами при каждом движении (подарок графини Лебединской, стоимость сто двадцать пять рублей серебром).

— Однако уже почти три часа, — пробормотал мужчина, не преминув отметить мелодичное звучание своего низкого голоса, которое он очень в себе любил. Пожалуй, даже больше, чем атлетически сложенное тело, задиристые завит-

ки льняных волос и васильковые бездонные глаза, излучавшие искренность и невинность.

Пригубив травяного настоя из изящной чашечки костяного фарфора (подарок купчихи Выхиной, стоимость заграничного сервиза на двенадцать персон — семьдесят рублей серебром), который он ежедневно употреблял для поддержания цвета лица, и промокнув тонкие губы кружевным сильно надушенным платком (цена за полдюжины пять рублей, подарок неизвестной дыхательницы, анонимно подброшенный ему, предположительно старухой фон Бор), он поднялся из кресла.

Движения его были небрежными, ленивыми, что ему очень шло, придавая особый шарм. А искусное безразличие на лице, натренированное упражнениями, делало молодого человека загадочно-очаровательным, возбуждая интерес и желание у особ женского пола. Причём возраст этих особ для получения желаемого значения никакого не имел, лишь их благосостояние и тот уровень щедрости, который они позволяли себе за общение с красавцем.

Продвигаясь из комнаты в комнату, задерживая взгляд то на одной вещице, то на другой, автоматически вспоминая их стоимость, он улыбался своим мыслям. На сегодняшний день всех подарков было почти на сорок тысяч серебряных рублей, что составляло весомую часть

от желанной им суммы в сто тысяч. Именно эту цифру он назначил себе для достижения, чтобы уйти на заслуженный покой, уехать в провинциальный город, выстроить доходный дом и жить там до самой своей кончины.

С юности он заметил за собой склонность к практичности и хозяйственности. И с ранних лет уже знал, что и сколько ему требуется для жизни. А превратившись в неотразимого молодого мужчину, понял, как сможет это получить.

Он не был суеверен и всегда презирал суеверных людей, считая их недалёкими. Но сегодня с самого утра его не покидала мысль о том, что должно случиться что-то нехорошее. Вчера, когда молодой человек прогуливался по бульвару, под самые его ноги бросился чёрный котёнок. Он, конечно, отшвырнул бесёнка и сильно расстроился, когда увидел на блестящем сапоге еле заметную царапину, оставленную этим мерзким существом. Мысль об инциденте не давала покоя до самой ночи. А неделю тому назад встретила его кривая нищенка, потянувшись своими скрюченными ручонками с гнилыми обрубками ногтей, запричитала про бога и про милость людскую. Какой же исходил от неё гадкий запах! Отшатнувшись, он быстро пошёл прочь, но всё равно услышал проклятия, что убогая бросила ему в спину.

Плавной вальсирующей походкой мужчина проскользил по комнате и остановился у за-

крытой двери. Это было странно, он не любил закрытых дверей, и прислуга в доме об этом знала. Нахмурившись, потянулся к ручке, но тут его взгляд выхватил стоящее справа зеркало. Что это было за зеркало! Один из первых столь дорогих подарков, полученных от худосочной жены заводчика Капранова, даже имени её сейчас не вспомнить (цена итальянского зеркала сто пятьдесят рублей, цена резной золочёной рамы с инкрустацией розовым перламутром двести десять рублей и с каждым годом только растёт). Повернувшись всем корпусом и сделав пару шагов, красавец оказался полностью отражённым в нём. До чего же он был хорош собой! Но что это? Неужели кожа на шее начинает морщиться? Нет же, это лишь тень. Взъерошив густые светлые кудри, он стал придирчиво изучать свои волосы, перебирая их тонкими длинными пальцами. Не найдя седых волосков и вздохнув от этого с облегчением, он лукаво подмигнул своему отражению. Но как же неприятно ожидание собственной старости и увядания! В двадцать три об этом мало кто задумывается, но глазом моргнуть не успеешь и вот тебе уже двадцать четыре, а там и двадцать пять. Сколько времени сохранится его красота? Сколько времени он сможет привлекать внимание дам и пользоваться их богатством? Успеет ли скопить заветные сто тысяч?

Он сам не заметил, как начал говорить со своим отражением.

— А было бы неплохо, если б старая карга написала мне ту прелестную деревеньку. Уж полгода как обещает, а слово своё не держит. Говорит, что не доверяет моим словам, что люблю только её одну в этом свете. — Красивое лицо исказила гримаса. — Ах ты, сухой мухомор, гнилое яблоко, уж все мозги в труху превратились, а она всё думать продолжает! А может, ей кто про меня доносит...

От этих беспокойных мыслей лоб пересекла тонкая морщинка. Заметив это, красавец ахнул, и тут же лицо его преобразилось, разгладилось, сделалось удивительно привлекательным и юным. Глаза мягко заблестели васильковыми искорками. Так-то лучше. Надо держать себя в руках.

Окинув взглядом роскошно убранную комнату, припомнив ещё пару имён дарительниц и переведя стоимость их подарков в серебро, он опять потянулся к ручке закрытой двери.

Распахнув дверь и услышав громкий хлопок оконной рамы, он, даже не попытавшись сдержаться, громко выругался. Преодолев комнату в три широких шага, он откинул бархатную портьеру и, с силой надавив на раму, защёлкнул замок. Инцидент был неприятный, тем более что теперь по комнате гулял свежий мар-

товский ветерок, от чего красавец поёжился. Был он в наброшенном на голое тело длинном атласном халате.

Комнату, где он сейчас находился и куда, собственно, шёл, опишем отдельно. То было светлое, в сорок квадратных аршинов помещение с высоким окном, украшенным недавно заказанными в модной мастерской портьерами. Стены до самого потолка были затянуты светлым штофом¹, а пол выложен такого же цвета кафелем. Из мебели здесь находились широкая мягкая тахта с изогнутым подголовником, изящный стул на тонких ножках и ширма в восточном стиле. Но самым главным объектом здесь была массивная овальная чаша из желтоватого металла, стоявшая в самом центре комнаты. Над чашей поднимался пар от заполнявшей её горячей воды. Это был ещё один подарок престарелой любовницы, недавно скончавшейся и завещавшей бронзовую ванну юному ловеласу. С краёв чаши ниспадала мерцающая белая ткань. Задержав на ней взгляд, красавец издал лёгкий стон, отражённый и приумноженный гладкими стенами.

То был самый дорогой китайский шёлк, что можно найти во всей Москве, — тонкий, гладкий и удивительно прочный. Не отводя глаз от матовых переливов складок ткани, мужчина

¹ Штоф — шёлковая тяжёлая ткань.

скинул халат, обнажив своё точёное тело, и небрежным движением отбросил в сторону, туда, где подле стены стояла высокая ширма. Протянув изящную руку, он нежно погладил край ванны, накрытый тканью. Затем ловким движением перекинул обе ноги через борт и медленно погрузился в обжигающую воду.

Ежедневный ритуал был его слабостью, на которую он позволял себе тратить достаточные средства. От воды поднимался аромат египетского масла, недавно полученного в подарок от одной купчихи в надежде на свидание. Масло было принято, рыхлая рука нежно пожата, но цена за свидание была гораздо выше, и оно не состоялось, о чём мужчина, собственно, ни минуты не жалел.

Сделав глубокий вдох, красавец откинул голову назад, удобно устроил её на нежном шёлке и прикрыл глаза. Теперь можно было подумать о ближайшем будущем, поразмыслить о потенциальных любовницах и уже имевшихся связях. Кое-кому стоило дать от ворот поворот, а кое-кому, наоборот, уделить больше времени.

Неожиданный шум позади выдернул мужчину из полузабытья. Резко развернувшись, от чего брызги полетели во все стороны и с полведра воды вылилось на пол, он осмотрел комнату. Всё здесь было тихо и спокойно. Показалось. Он вновь вернулся к своим мыслям.

Предстояло решить, стоит ли воспользоваться новой возможностью, изменить образ жизни или продолжить плыть по привычному течению. Предложение было заманчивым и сулило значительные барыши, но и риски здесь могли выйти куда серьезнее, чем гнев обманутого мужа или прежнего любовника, что он уже испытывал на собственной шкуре. Хотя мужья встречались разные, за более чем пятилетнюю карьеру он это знал. Не стоило забывать и об отцах. Эти, к слову, отличались большим свирепством и упорством, когда речь шла о чести их дочери, но в конечном счёте они же оказывались более щедрыми и сговорчивыми при выплатах отступных, лишь бы порочный красавец больше никогда не показывался на горизонте любимой дочурки.

Новые звуки, похожие на нетерпеливую возню, опять оторвали его от размышлений. Это уж точно ему не мерещится. Видно, Пашка снова вздумала за ним подглядывать. Ну и дурная же эта горничная — одни бабьи глупости в голове. Личико у неё кругленькое, плечи тоже круглые и мягкие и ляжки положительно такие, как надо, да только не пристало ему тратить своё время на прислугу. В этот раз, даже не подняв головы, он повелительно прикрикнул, чтоб все проваливали и не мешали. Но никто не ответил, опять воцарилась тишина.

Расслабление постепенно разлилось по всему телу. Кожа от горячей воды сделалась розовой, как у младенца, щёки покраснелись, как после парной. Мысли возвратились на круги своя. Все дамы богатые и старые. Все без ума от него и все пытаются его подкупить, мечтая привязать покрепче. Он искусно играет роль влюблённого и от подарков не отказывается. Лишь бы только они не прознали друг о друге. Хотя уже поползли слухи по городу. Надо быть осторожнее.

Непонятное беспокойство последних дней вновь охватило его. С чего бы это? Разомлел он видно, размяк от ароматной воды, от прекрасного нежного шёлка, прикосновение которого было сравнимо разве что с мягкими женскими губами. Вновь вспомнив о своём возрасте и неминуемой грядущей старости, он подумал, что одними подарками на жизнь, о которой он мечтает, не накопишь. Вода постепенно остывала. Стоило завершить процедуру, но он решил полежать ещё несколько минут, так было хорошо. И мысли вновь вернулись к той новой возможности, что случай преподнес ему, — опаснее и рискованнее, но гораздо прибыльнее, чем вся его любовная возня.

Дело было вот в чём. Недавно ему стало известно об одной пикантной и довольно пакостной подробности касательно не самой послед-

ней в свете особы. Красавец задумался, как бы по-умному всё устроить, и придумал. Не поленившись, он провёл небольшое, но достаточно рискованное расследование, в результате которого даже пострадал. Однако заполучил факты, опровергающие первоначальную информацию, и оформил всё это в короткое письмо конфиденциального характера. Теперь же вместо этого письма в его тайнике лежала рубиновая брошь и пухлая стопочка банковских билетов. От таких быстрых денег голова шла кругом. Начало было положено, и теперь требовалось решить, стоит ли продолжить и выйти на этот опасный путь или по-прежнему тратить время на богатых старух?

В мыслях он усмехнулся, представляя перекошенные морщинистые лица, когда он всем им объявит об отставке. Он вполне искренно считал всех старух абсолютно бесполезными и выжившими из ума. Ни секунды их не почитал и рассматривал лишь как средство достижения своей цели.

Вновь шуршание, сильно похожее на движение юбки женского платья, достигло его ушей. Теперь это его разозлило по-настоящему. Видно, придётся выбраться из воды и задать хорошую трёпку этой негоднице! Кто это из прислуги такой нахальный, что нарушает приказ не тревожить хозяина, когда тот отдыхает? Хо-

рошо бы это всё же оказалась Пашка, с каким удовольствием он прошёлся бы розгой по её жирной спине и вышвырнул бы дуру за дверь!

Оперевшись на локоть, он попытался встать, но неожиданно на его лице оказался край шёлковой простыни. Мужчина, потеряв равновесие, заскользил ступнями по гладкому дну бронзовой чаши. Он резко вскинул руки, стараясь ухватиться за края ванны, но они запутались в складках материи и не могли больше свободно двигаться. Внезапно пришло страшное осознание, что он в комнате не один, кто-то намеренно закрыл ему лицо и лишил таким образом возможности видеть. Он оказался спелёнатым, словно младенец. Единственное, что он мог ещё делать, это говорить, но уже через мгновение в его открытый, готовый для крика рот чья-то рука всунула кляп вместе с куском шёлка. И тут раздался звук, ясно показавший, что дверь в комнату вновь закрыли.

Мужчина попытался сесть, но чужие руки откинули его назад, чувствительно впечатав голую спину в бронзовый борт. Теперь он пустил в ход ноги и плечи, с усилием извиваясь, то погружался в воду с головой, то вновь выныривал. Вода заливала нос и глаза, от этого нестерпимо захотелось кашлять, но кляп во рту мешался, пришлось некрасиво кряхтеть и давиться. Шёлк на лице намоч, отчего дыхание сильно затруднилось, прев-